Передъ лицомъ поражающаго разлада между евангельскимъ ученіемъ, высокимъ и чистымъ, и современнымъ укладомъ христіанской жизни, основанномъ на лжи и насиліи, всегда былъ великъ соблазнъ признать евангельское ученіе мечтой, утопіей, признать, что возвѣщенныя имъ новыя начала человѣческихъ отношеній неприложимы къ жизни. Для невѣрующей мысли этотъ соблазнъ легко разрѣшался отверженіемъ Евангелія какъ основы жизни. Но въ трудномъ положеніи оказывалось христіанское богословіе. Признать, что евангельская проповѣдь не пригодна для жизни, значило отречься отъ Христа, какъ Учителя человѣчества. Признать нормальнымъ самый фактъ рѣжущаго разлада между ученіемъ Христа и жизнью христіанъ не дозволяла совѣсть, для которой невозможно вѣрить въ одно, а жить по другому. Признать же, наконецъ, что евангельское ученіе жизненно въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. — что согласно съ нимъ можетъ и должна устроиться какъ личная, такъ и общественная жизнь, это значило въ принципѣ разрушить всѣ устои современной культурной жизни и проповѣдывать юродство Христа ради. И вотъ, нашлась дорога, обходящая, по видимости, эти затрудненія: освятить отъ имени божественнаго ученія устои современной жизни и особенно жизни общественной. Такъ именно оказалось возможнымъ путемъ искусственнаго подбора мѣстъ изъ новозавѣтнаго, а преимущественно ветхозавѣтнаго Откровенія оправдывать весь строй, господствующій въ жизни христіанскихъ народовъ, со всѣми его ужасами, противными не только христіанскому, но и языческому сознанію. Такъ, именно, и наша русская богословская мысль запятнала себя попытками доказать совершенное согласіе съ основами евангельскаго ученія и крѣпостного права, и тѣлесныхъ наказаній, и роскоши богатыхъ, и смертной казни, и насилія надъ совѣстью людей, и многаго, многаго другого...

И ясно, что такой путь примиренія Евангелія и жизни могъ только оттолкнуть отъ себя и Л. Н. Толстого, и всякаго, добросовѣстно ищущаго истины. Нужно было искать новые пути устроенія христіанской жизни и созиданія царства Божія на землѣ, и русская богословствующая мысль въ этомъ именно направленіи уже внесла цѣнный вкладъ въ сокровищницу постиженія христіанской истины человѣчествомъ. Гр. Л. Н. Толстой, въ частности, въ раскрытіи своего взгляда на отношеніе Евангелія къ жизни